

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09«18»

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «КОШМАР» В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ

Гедзюк Е.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сюжетосложения и характерологии в одном из репрезентативных рассказов Чехова 1880-х гг. – «Кошмар», в котором поднимается тема бедственного социального положения приходского духовенства. Автор исследует характеры представителей провинциальной интеллигенции – священника и чиновника – сквозь призму прецедентных библейских фабул о блудном сыне и о проданном первородстве, прибегая к сравнительному сопоставлению поведенческого канона, содержащегося в каноническом культурном тексте, с образами персонажей. Анализируется специфика функционирования форм библейского повествования в чеховской новелле, что позволяет выявить межтекстовые связи, сходства и различия. Подобный анализ позволяет автору сделать вывод, что переосмысление писателем библейских фабул приводит к усилению художественного смыслообразования.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказ «Кошмар», притчи о блудном сыне и о проданном первородстве, литературный характер, священник.

A. CHEKHOV'S STORY «NIGHTMARE» AS A LITERARY TRANSFORMATION OF BIBLICAL PLOTS

E. Gedzyuk

Moscow City University

4 2nd Selskokozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of storyline and characterology in one of representative stories of Chekhov in 1880s called “Nightmare”, which raises the theme of the distressful social situation of the parish clergy. The author analyzes characters of the representatives of

the provincial intelligentsia – the priest and the official through the prism of precedent biblical plots of a story about the prodigal son and about sold birthright, by using the comparison of the behavioral canon contained in the canonical cultural text with the images of characters. The specifics of the functioning of forms of biblical narration is analysed in the Chekhov's short story, that allows to create intertext connections, similarities, and differences. Such an analysis allows the author to draw the conclusion that the writer's rethinking biblical stories results in the strengthening of the artistic semantic formation.

Key words: A. Chekhov, the prose of 1880s, stories about the prodigal son and about the sold birthright, literary character, a priest.

Воспитанный отцом в приобщении к церковной службе, Чехов хорошо знал традиции православного богослужения и был знаком с книгами религиозного содержания. Кроме того, в парадигме характеров, отличающих чеховское творчество, достаточно широко представлены лица духовного сословия, и они изображаются писателем как люди, живущие одной жизнью с окружающими. Вместе с тем писатель всегда сохраняет «профессиональные» черты своих героев-священнослужителей, поскольку сан априори даёт им право выступать наставниками. В результате все чеховские персонажи из церковной среды живут, как правило, с желанием послужить примером для людей.

В 1880-х гг. клирики не раз становились действующими лицами в прозе Чехова, – стоит обратиться к рассказам и повестям «Суд» (1881), «Хирургия» (1884), «Канитель» (1885), «Ведьма», «Святою ночью», «Кошмар» (все три – 1886), «Мороз» (1887), «Письмо» (1887), «Степь» (1888). Герои этих произведений находятся на разных ступенях церковной иерархической лестницы – от дьячка до архиерея. Образ дьячка – церковнослужителя низшего разряда – довольно устойчив в раннем творчестве писателя. В произведениях, написанных до 1886 г. включительно,

образы духовных лиц в этом звании встречаются среди персонажей, разработанных как отдельные характеры и более или менее активно участвующих в развитии сюжета. В дальнейшем это чаще всего внесценические персонажи, упоминаемые лишь в свете «родовой» преемственности с героями, выполняющими сюжетообразующую функцию. Очевидно, что творческий метод писателя усложнялся, в силу чего в поздних произведениях ироническое начало уходило на уровень подтекста, тогда как с образом дьячка связан сложившийся в народной смеховой культуре и впоследствии закрепившийся в литературе устойчивый комический эффект. К концу 1880-х гг. чин клирика в новеллистике Чехова изменяется – становится более высоким. Изменение этой статусности героя или персонажа способствует смене модуса повествования – от комического к драматическому, что в обратном направлении оказало влияние на переосмысление и углубление характеров и композиционную расстановку персонажей в целом.

В данной статье нами будет рассмотрен рассказ «Кошмар», в центре которого – история взаимоотношений чиновника, ушедшего со службы и ставшего помещиком, и священника. Представляется целесообразным рас-

смотрение центральных фигур этого произведения в свете соотнесённости чеховского сюжета с двумя библейскими притчами – о блудном сыне и о проданном первородстве.

Рассказ «Кошмар» как отдельное произведение в чеховедении практически не изучен. Показательно, что в работах В.Б. Катаева и А.П. Чудакова указанный рассказ не становится предметом специального исследования и упоминается лишь в общем парадигматическом перечислении [4; 11]. Однако именно на то, что произведение репрезентативно, указывают многие историки литературы: глубинная взаимосвязь рассказа «Кошмар» с другими произведениями Чехова 1880-х гг. акцентируется как в трудах советских литературоведов, так и в новейших научных работах. Исследователями были обнаружены различные аспекты внутренней сюжетобразующей и характерологической сопряжённости произведений. В частности, А.П. Чудаков связал последнее с полномасштабным формированием объективного способа изображения жизни и человека в новеллистике Чехова [11, с. 12].

В.Б. Катаев, обозначая идейно-художественные особенности рассказа «Кошмар», определил феномен подобных чеховских произведений как «рассказ открытия» [4, с. 12], тем самым подчёркивая, что это начало новой чеховской «техники» письма. Суть указанного определения состоит в том, что по мере развития сюжета герой произведения открывает нечто значимое, что для него самого неожиданно, поскольку возникает новое миропонимание, перечёркивающее изначально упрощённое представление. Этот переход от ситуации «казалось»

к конфликтосфере «оказалось» был впервые разработан писателем в середине 1880-х гг., и такой подход к изображению человека, предполагающий изменение в осмыслении героем события, стал одним из самых устойчивых принципов чеховской работы [4, с. 21]. Писатель заостряет внимание на двух важных моментах в новой систематике изображения человека: это отрицание прежних устоявшихся заблуждений и обнаружение новых проблем жизни.

В свете избранного нами научного ракурса интерес представляет работа А.Д. Степанова. Современный исследователь, рассматривая картину мира Чехова сквозь призму бахтинской теории речевых жанров, обратился к рассказу «Кошмар», сопоставив его содержание с содержанием наиболее частотных в произведениях писателя разновидностей коммуникативных жанров, таких как экспрессивно насыщенные проповедь и исповедь [8].

Завязкой сюжетного конфликта в рассказе становится приглашение «непременным членом по крестьянским делам» [9, с. 60] Куниным, столичным чиновником, возвратившимся из Петербурга в родные места, в своё имение Борисово, приходского священника из села Синькова (в «семи-восьми верстах» от Борисова [9, с. 72]), Якова Смирнова, на беседу. В соответствии с собственными представлениями о гражданском служении, а также по предложению предводителя дворянства Кунин намерен стать попечителем церковно-приходской школы и тем самым начать полезную общественную деятельность. Формируя этот начальный этап в развитии сюжета, Чехов актуализирует «Правила о церковно-приходских школах», представлен-

ные летом 1884 г. как проект закона о передаче народных школ в ведение духовенства. Драматическое несовершенство подготавливаемого законодательного акта, среди прочего, было связано с тем, что государственное финансирование народного образования значительно сокращалось. Бедственное же положение начальных школ было хорошо знакомо Чехову: как известно, интересы писателя в годы мелиховского периода жизни заключались не только в исполнении обязанностей земского врача, но и в попечении о местных школах. В частности, в эпистолярном наследии писателя есть упоминания о его активном участии в строительстве трёх школ, что было ответом на поручение земства и просьбы крестьян [10, т. 6, с. 289; т. 8, с. 213].

Кунин, показанный как субъективно честный, но в то же время преисполненный собственной значимости и убеждённый в безусловности личной правоты человек, отмеченного обстоятельства не понимает. В силу этого он сходу, при первом же знакомстве воспринимает бедного приходского священника как духовно ограниченное, жалкое, «глуповатое» существо, как лицо, достойное порицания. «Брезгливо пожимая плечами», Кунин делает однозначный вывод: «дикий человек», «неряха, груб, глуп и, вероятно, пьяница» [9, с. 62–63]. Подогреваемый собственной патетикой, помещик особенно оскорбляется, увидев, как во время чаепития о. Яков прячет в карман сухарик. Краснобай Кунин, не имеющий представлений о реальной жизни русской провинции, с удовольствием и разнообразными длиннотами в речах поучает молодого иерея, в том числе при посещении дома священника, и по

сути огульно обвиняет молодого служителя церкви в несоответствии сану, невежестве и безнравственности. Итогом этого первого этапа взаимоотношений Кунина и о. Якова становится письмо первого архиерею, в котором новоявленный помещик, «искренно, по-сыновьи», как горько-иронически отмечает повествователь, «изложил своё мнение» о приходском священнике, подчеркнув, что о. Яков «недостаточно развит», «кажется, ведёт нетрезвую жизнь» и проч. [9, с. 67].

Рассказ создан автором по классическим требованиям – в соответствии с законом «золотого сечения» [5, с. 35–36], в котором кульминационный этап в развитии сюжета, приоткрывающий истину, приходится на начало исповеди священника, решившегося просить у чиновника место писаря. Так Кунин «почти с ужасом» узнает и о голодающей семье молодого иерея, и о бедственном положении семьи доктора, и вместе с тем о неизменной порядочности о. Якова – о материальной поддержке им брата-семинариста и престарелого клирика, лишившегося места в Синькове «за... слабость» [9, с. 71, 69].

Столь же искренне, как и в доносе архиерею, Кунин сокрушается о своём неприглядном поведении, справедливо называя себя «слепой куклой», «фатом» и проч. [9, с. 72]. Правда, согласно авторской логике в развитии характера героя, он признаёт свои ошибки только мысленно, про себя, не делая из этого письменного факта и не посвящая в своё прозрение и покаяние людей, стоящих на высоких ступенях общественной и служебной лестницы. «Гнетущий стыд» из-за непонимания им «невидимой правды» [9, с. 73], ка-

залось бы, преобразует чиновника. Однако, рассчитав в благородном порыве свои материальные возможности, он осознаёт, что собственное благополучие ему дороже, чем положение окружающих. В результате финал произведения обозначен повествователем жёстко-иронически: «искренняя потуга» Кунина быть полезным обществу быстро «завершилась» [9, с. 73].

Важным звеном в интерпретации образов Кунина и о. Якова Смирнова служит значимая для христианского вероучения притча о блудном сыне [1, с. 1109–1100], многократно становившаяся предметом литературно-художественной рецепции и являющаяся одним из основных сюжетобразующих мотивов чеховского повествования. Как известно, притча – назидательный рассказ, которому свойственна философская или религиозная проблематика. Она служит своеобразной иллюстрацией определённого нравственного понятия. Фабульная организация притчи о блудном сыне аллегорически проецируется на взаимоотношения человека и Бога. Сюжетобразующей подсветкой в рассказе «Кошмар» также является притча о проданном первородстве.

Предыстория героев, чиновника и священника, обозначена пунктиром. Так, для понимания образа первого важно указание повествователя лишь на один факт из «недалёкого прошлого» Кунина: молодой человек, в угоду собственному «тщеславию» «неразумно» истратил наследство, полученное от отца, на подарки проституткам и актрисам и теперь живёт в долг [9, с. 72]. В ветхозаветные времена деньги, завещанные семьёй, должны были в первую очередь служить роду. Наследник, пренебрёгший этой тради-

цией, считался нравственным преступником и порицался не только родственниками, но и обществом в целом. Такой человек не мог надеяться на прощение и заслуживал наказания. Но в евангельской истории, рассказанной Христом, стремление «блудного сына» вернуться домой было с радостью воспринято любящим отцом.

В чеховском нарративе происходит переосмысление библейского сюжета. Находясь за рамками церковного бытия и быта, Кунин с изначальным предубеждением относится к о. Якову. Для него важны не этические стороны в жизни Церкви и иерея, а эстетические. Всё, что связано с церковным бытом и внешностью священнослужителя, передаётся с помощью следующих оценочных лексем: «колонки у паперти ... походили на две некрасивые оглобли», «нищую церковь», «аляповатое, бабье лицо», «на малорослом иерее была помятая и длинная-предлинная риза» [9, с. 60, 63–64]. Главными критериями в оценке нравственных качеств молодого священника для Кунина являются внешний вид и манера поведения. В своих суждениях чиновник прибегает к отрицательным стереотипам, сложившимся ещё в традиционной народной культуре и обличавшим такие человеческие пороки служителей религиозного культа, как пьянство, глупость, хитрость и похоть.

С начального сюжетного этапа Чехов показывает негласный диалог героев, перерастающий в своеобразное соперничество. Исходных знаков в этом сопоставлении несколько: возрастные характеристики, имена, потребность в высказывании и определении собственной позиции; немаловажную роль играет и хронотоп.

У персонажей Чехова небольшая разница в возрасте – Кунину около «тридцати» лет, а о. Якову «двадцать восемь», что сближает их с братьями из притчи о проданном первородстве. Для достижения требуемой интенции Чехов прибегает к использованию разнообразных художественных приёмов, в том числе средств ономастики.

В имени «Павел Михайлович Кунин» значимы все его составляющие. Этимология фамилии восходит к еврейской лексеме «коэн» – священник [12, т. 2, с. 20]. Отсюда притязания чиновника на учительство, назидательность и проповедничество. Ветхозаветные первосвященники в библейских текстах и преданиях были наделены исключительными полномочиями: они общались с Богом и ангелами напрямую, без посредников, являли многочисленные знамения и совершали чудеса. Имя и отчество героя тоже говорящие: Павел в переводе с греческого — «маленький», а семантика отчества как имени по отцу лежит в рамках той же авторской задачи: от «Михаил» — «подобный Богу» [12, т. 1, с. 83].

Возвращение Кунина в родные места сопряжено с возвращением «блудного сына». Однако, вопреки ожиданиям, основанным на евангельской истории, раскаяние героя и новое обретение «отчего дома», т. е. обращения к Богу-отцу, прообразом которого здесь служит церковь, не состоялось. Посещение воскресной службы предпринимается Куниным с единственной целью – «покончить с вопросом о школе» [9, с. 63]. Знакомство же с храмом имело второстепенную значимость, что подчёркивается и авторской иронией: из церкви его «потягивало вон» – это

очевидная аллюзия на евангельскую притчу о воскрешении Лазаря, но если библейский герой был вызван божественным глаголом из тления в жизнь, то «блудный сын» Кунин, «был мёртв», но не ожил.

Существовая «в мире своих представлений о мире» [3, с. 85] и прикрываясь общественной миссией, Кунин отправил архиерею донос на о. Якова, даже не попытавшись разобраться в истинных причинах иерейского нерадения. Очевидно, что помещик преследует личные интересы: невнимание священника задело его самолюбие и оскорбило «кусочек религиозного чувства», которое для него лишь одна из «нянюшкиных сказок» [9, с. 67]. И эта всецелая поглощённость своей «правдой» служит мотивом не только «футлярности» и эгоизма героя, но и указывает на узость его кругозора, ведь общецерковные проблемы широко обсуждались в прессе того времени и вызывали широкий общественный резонанс.

Большая смысловая нагрузка, выражающая авторскую интенцию и маркирующая характер действующих лиц, заключена также и в семантике антропонимов. Священника зовут Яков, что, согласно существующей традиции варьирования народно-разговорной и церковной (календарной) форм имени, равнозначно Иакову. В переводе с древнееврейского оно означает «пята», «обойдёт, обгонит» [12, т. 1, с. 124]. По библейскому преданию, Исав уступил первородство брату-близнецу за чечевичную похлёбку. Этот евангельский мотив находит отражение в чеховском тексте: молодой иерей Яков Смирнов из-за материальной, сиюминутной, неочевидной вы-

годы – желания избавить себя и жену от голода – готов занять должность писаря у помещика Кунина, т. е. поступиться полученным в церковном таинстве священством. Также в Библии представлен другой сюжет, связанный с именем Иакова, в котором повествуется о его противоборстве с Богом. А фамилия Смирнов – одна из наиболее частотных русских фамилий – образована от мужского нецерковного имени Смирной, что значит «тихий», «послушный» [7, с. 118]. Данная антитеза вносит оттенок амбивалентности и придаёт дополнительные смыслы образу священнослужителя.

Действительно, старший сын из евангельской притчи благоразумно распорядился своей частью наследства и остался жить с отцом. Но неожиданное возвращение «блудного» сына стало своеобразным лакмусовым индикатором, проявившим показное благонравие «благочестивого» брата. Сходная ситуация сложилась и во взаимоотношениях между священником Яковом и Богом.

Желание открыться, «исповедаться» Кунину – это не фигура речи, о. Яков действительно стоит перед сложной моральной дилеммой и мучительно переживает сложившуюся жизненную ситуацию, хотя в рассказе это не отражено прямо, а передаётся с помощью эмоционально-психологических характеристик персонажа. Повествователь не раз отмечает, что иерей находится в непрерывном безмолвном диалоге с Богом: неподвижный взгляд, бесстрастное выражение лица, внутренняя борьба и напряжение, передающиеся как вербальным способом (разговор человека с самим собой), так и при помощи языка жес-

тов (порывистостью движений, дрожью, энергичной жестикующей). Эта иллюстрация к характеру персонажа является реминисценцией из Книги Бытия, повествующей о борьбе библейского Иакова с Богом [1, с. 35], но здесь богоборчество – не отрицание Создателя человеком, а своеобразный диалог, цель которого – сопротивление обстоятельствам жизни.

Знаковыми особенностями наделено в рассказе и время-пространство. Фактическое пространство рассказа задаётся оппозицией столица – провинция, или чужой – свой, а художественное выходит за обозначенные границы благодаря связи с библейскими фабулами. Это столичный Петербург как «дальняя страна» и провинция в качестве «отечества». Современность, актуализированная положением о передаче школ в ведение духовенства, проект которого датирован 1884 г., – обсуждаемая газетная «новость». Сезонное время действия также определено: по дороге в синьковскую церковь Кунин видит грачей, которых на Руси считали вестниками весны. В силу этого можно предположить, что действие рассказа приходится на время Великого поста, который в указанном году пришёлся на март-апрель. Согласно церковному календарю, это особое, сакральное время, отведённое для покаяния и добрых дел. Очевидно, писателем этот период выбран намеренно.

А.Д. Степанов утверждает, что «абберация» экспрессивных жанров возможна и в речевом обиходе такой социальной группы, как священники. В частности, о. Яков, стремясь «исповедаться» перед Куниным, на самом деле хотел не «каяться в грехах перед миря-

нином и малознакомым человеком», а просто решил пожаловаться на свою нелёгкую судьбу [8, с. 246].

Но молодой иерей признается в мучительном для него грехе гордости, а значит – в несоответствии духовному сану: столь сокровенные подробности мирянину знать не положено, поскольку священство – одно из семи церковных таинств. В то же время клирик понимает, что духовный потенциал Кунина находится на приземлённо-материальном уровне: за год своего пребывания в статусе «непременного члена по крестьянским делам» он ни разу не побывал в церкви, «прихожанином которой считался» [9, с. 72], и не познакомился с о. Яковом.

Возникает вопрос: почему же священник открывает незнакомому человеку и нерадивому христианину, который является лишь номинальным прихожанином его церкви, личные обстоятельства жизни, допустимые в его сане только на церковной исповеди? В художественной систематике Чехова ответ очевиден: помещик состоял в должности «непременного члена по крестьянским делам присутствия», в

компетенции которого входили сбор всевозможных данных о состоянии сельского населения и ведение делопроизводства по продовольственной части. Но «чересчур сытый» Кунин не готов встать на путь социального служения, между тем как для о. Якова Смирнова заповеди Божии являются непреложными критериями нравственности [2, с. 37].

Таким образом, в рассказе «Кошмар», включённом в ранний сборник «Пёстрые рассказы», присутствие указующего, морализаторского «перста» автора ещё очевидно. «Наращение смысла ... на фабульный каркас», характерное для творчества Чехова [6, с. 12], связано в рассказе «Кошмар» в том числе с художественным переосмыслением библейских притч о блудном сыне и о проданном первородстве. Данная творческая задача претворена как композиционно – в сопоставлении двух центральных характеров, так и стилистически – в речи повествователя. Модусное осуществление замысла воплощается Чеховым с помощью иронических, и вместе с тем разноплановых, интенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. М.: Издательство Московской Патриархии, 1995. 1376 с.
2. Гнусова И.Ф. Образ священнослужителя в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот) // Вестник Томского государственного университета, 2015. № 401. С. 34–42.
3. Ибатуллина Г.М. Человек в параллельных мирах: художественная рефлексия в поэтике чеховской прозы. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. 223 с.
4. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Издательство Московского университета, 1979. 326 с.
5. Лоскутникова М.Б. Категория художественной формы в трудах А.Ф. Лосева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2011. № 2 (7). С. 33–40.
6. Лоскутникова М.Б. Особенности стиля А.П. Чехова (на материале рассказов «Длинный язык» и «Дама с собачкой») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 4. С. 5–13.

7. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
8. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 5. М.: Наука, 1976.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 6, 8. М.: Наука, 1978, 1980.
11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.
12. Энциклопедия. Древнееврейские имена, фамилии, колена. В 3 т. Т. 1, 2 / ред. В.Р. Ирина-Коган. М.: Олимпия Пресс, 2003.

REFERENCES

1. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1995. 1376 p.
2. Gnyusova I.F. [The image of the priest in the prose of A. Chekhov in the context of the Russian and English traditions (N. Leskov and G. Eliot)] In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, no. 401. С. 34–42.
3. Ibatullina G.M. *Chelovek v parallel'nykh mirakh: khudozhestvennaya refleksiya v poetike chekhovskoi prozy* [People in parallel worlds: the artistic reflection in the poetics of Chekhov]. Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU Publ., 2015. 223 p.
4. Kataev V.B. *Proza CHEkhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1979. 326 p.
5. Loskutnikova M.B. [Category of artistic form in the writings of A. Losev] In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie* [MCPU Vestnik. Series: Philological education], 2011, no. 2 (7), pp. 33–40.
6. Loskutnikova M.B. [Peculiarities of A. Chekhov (based on the short stories "A Long tongue" and "The lady with the dog")] In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2009, no. 4. pp. 5–13.
7. Nikonov V.A. *Slovar' russkikh familii* [Dictionary of the Russian names]. Moscow, SHkola-Press Publ., 1993. 224 p.
8. Stepanov A.D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The problems of communication in Chekhov]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p.
9. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Sochineniya. T. 5* [Complete works and letters. Works. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
10. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Pis'ma. T. 6, 8* [Complete works and letters. Letters. Vol. 6, 8]. Moscow, Nauka Publ., 1978-1980.
11. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova* [The Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 292 p.
12. Irina-Kogan V.R., ed. *Entsiklopediya. Drevneevreiskie imena, familii, kolena. T. 1, 2* [Encyclopedia. Hebrew names, surnames, knees. Vol. 1, 2]. Moscow, Olimpiya Press Publ., 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гедзюк Елена Анатольевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;

e-mail: garumna@mail.ru

DOI

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Gedzyuk – postgraduate student at the Department of the Russian literature, Moscow City University;
e-mail: garumna@mail.ru
DOI

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гедзюк Е.А. Рассказ А.П. Чехова «Кошмар» в свете литературной трансформации библейских сюжетов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67

FOR CITATION

Gedzyuk E.A. A. Chekhov's story «Nightmare» as a literary transformation of biblical plots. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67